

January 11, 1946

**Untitled memorandum on the political and morale
situation of Soviet troops in North Korea and the
economic situation in Korea**

Citation:

"Untitled memorandum on the political and morale situation of Soviet troops in North Korea and the economic situation in Korea", January 11, 1946, Wilson Center Digital Archive, Archives of the Russian General Staff, op. 480, 29, st. 5, p. 2, pa. 21, k. 35.
Translated by Gary Goldberg.

<https://wilson-center.drivingcreative.com/document/114893>

Summary:

A Soviet report on the first several months of the occupation of North Korea.

Original Language:

Russian

Contents:

Original Scan

Translation - English

Секретно

Экз. 1....

13

ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА ПРИМОРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

Цех. 03003

11 Января 1946г.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ тов. Ш Т Ы К О В У .

Представляю докладную записку подполковника
Федорова о работе военных комендатур и политико -
моральном состоянии войск, дислоцирующихся в Северной
Корее, а также об экономическом положении населения
Северной Кореи.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое на 19 листах, только
адресату.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Отпеч. в 2 экз.

1 - адресату,

2 - в дело.

Исп. Чуков.

к.н. 74.11.1.46 г.

вр.

/КАЛАШНИКОВ/.

СТЕРЖИШО 14

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИТОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ тов. КАЛАШНИКОВУ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Выполняя Ваше задание по изучению аграрных отношений в Корее мы полностью интересовались политическим и экономическим положением на месте. За время полуторамесячного пребывания в Корее, побывав в трех провинциях - Хванхайдо, Северный и южный Хэньян - мы столкнулись с рядом серьезных фактов, о которых докладываем ниже.

I. ВОЕННЫЕ КОМАНДАТУРЫ.

Основными органами, через посредство которых наше командование поддерживает контакт с десятиллионным населением Северной Кореи, являются наши провинциальные, городские и уездные Военные Командатуры. Главными являются уездные командатуры, так как их больше и они осуществляют контроль над 2/3 населения. Однако работе большинства этих командатур не отвечает предъявляемым к ним требованиям. Как правило, командиры слабо ориентируются в политике и экономике своего района и всей Кореи и не в состоянии поддерживать нужных отношений с вверенным под их опеку местным населением. Стиль их работы - голое администрирование и репрессии. Кроме того, уездные командиры контролируют только уездные центры - города, в которых расположены сами командатуры. В деревнях и волостях работники командатур почти не бывают, контакты с сельской волостной администрацией не поддерживают, крестьян и положение корейской деревни не интересуют. Отсутствие разведчиков - их нет еще на сегодня в 52 командатурах - значительно осложняет ра-

- 2 -

бату последних и делает их абсолютно беспомощными в деловых взаимоотношениях с местными властями и населением. Изъяняются они только мимикой и жестиками.

Заместители комендантов по политической части в большинстве не соответствуют своему назначению политических руководителей уезда или города. Это главным образом молодые лейтенанты / 44 человека из 74 /, немного знакомые с армейской политработой и совершенно не искушенные в вопросах политработы среди гражданского населения и в особенности среди зарубежного населения.

Полнейшее незнание ими местного политического и экономического уклада, национальных особенностей, общественной жизни, не говоря уже о языке - отсутствие переводчиков сильнее всего сказывается именно здесь, - а также неумение находить нужные методы и формы политического воздействия превращают политработников комендатур в беспомощный придаток последних. Контролировать печать, агитацию и

пропаганду местных политических организаций, работу школ, театров и т.д. они не в состоянии. В лучшем случае дело сводится лишь к преследению и репрессиям. Между тем, националистическая и американская пропаганда из Сеула широко проникает всюду и они ее не замечают. Наконец, во многих комендатурах вообще не имеются заместители по политической части. Еще не укомплектованы ими 28 комендатур. Имеется 74, требуется 102.

Городские и уездные комендатуры в Коре по характеру своей деятельности мало чем отличаются от военных комендатур обычного типа. Почти вся их работа сводится к задержанию правонарушителей - военнослужащих и этакому обеспечению проходящих военных групп. Значительную часть их энергии поглощает работа с местной полицией, а также контроль над публичными домами, гостиницами, ресторанами и пищенными заведениями, т.е. - чисто полицейские функции.

16

- 3 -

Последнее, например, наиболее характерно для команданта уезда Сунсен /пров. Хвэнхэйло/ капитана Тимофеева. Обычный стиль его бесед с вышестоящими в комендатуру корейцами - запугивание листом, выложенным для этой цели из кобуры на стол. Почти все его рабочее время поглощают облавы на публичные дома, регистрацию проституток, контроль над гостиницами и ресторанами. Ничем другим он почти не занимается. Экономикой и политическим положением своего уезда он не интересуется. На наш вопрос: "Его самый крупный помещик в уезде и сколько у него земли?" он затруднился ответить. Между тем самым крупным землевладельцем там оказался сам председатель местного самоуправления - уездного Народного комитета, который при допустительстве команданта открыто саботирует все мероприятия новой власти и Советского командования. Созданный им "Народный комитет" состоит почти сплошь из помещичьих и буржуазных элементов и их полголосков. Всего этого командант Тимофеев не замечал и должных мер не принимал. Не случайно поэтому известные события, имевшие недавно место в этом уезде.

Точно такой же стиль работы характерен и для команданта уезда Килито /пров. Сев. Шэньян/ капитана Каледина. Он очень молодой человек, разведчик по специальности, в начале войны был сержантом, до армии - электромонтер. Его политический кругозор весьма ограничен. Полицейские методы ему ближе и понятнее. Кстати, у него же до сих пор времени нет заместителя по политической части.

Для укрепления Военных Комендатур, по нашему мнению, требуется:

I. Рассмотреть состав уездных военных командантов, а также их заместителей по политической части, заменив их старшими офицерами - не ниже майора - обладающими опытом в прошлом советской или партизанской работы /работники райисполкомов и райкомов партии/.

- 4 -

04

2. Усилить контроль и руководство комендантами со стороны провинциальных военных советников.

3. Немедленно доукомплектовать 28 комендатур заместителями по политической части.

4. Ускорить отправку недостающих 52 переволонников - корейцев для комендатур.

II. О ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ ВОЙСК.

Аморальное поведение военнослужащих, поносящих честь и достоинство нашей Армии и страны, приняло в Корее полнейшие катастрофические размеры. Повсюду в городах и уездах, где дислоцируются наши части, по ночам раздается стрельба. Даже в Халдзю, где порядок относительно лучше, чем в других городах, не проходит ни одна ночь без стрельбы.

Пьянство - первоисточник всяких ЧП и аморальных поступков - наблюдается повсюду. Особенно оно процветает в городе Сингисю, где даже днем на улицах можно видеть пьяных военнослужащих. По вечерам по всем гостиницам и публичным домам /их насчитывается свыше 70 в Сингисю/ происходят пьяные оргии. Пьяные офицеры чередуются с рядовыми в обладании проституткой, при полустылевшем патрулировании тут же комендантских нарядов. Тот во всех этих безобразиях задает личный состав авиадивизии, дислоцирующейся в Сингисю /нач. Политотдела подполковник ЦУНКИ/. Не отстают от них и военнослужащие местного стрелкового полка во главе с его командиром майором ДЕМИДОВИЧ. Последний в течение двух дней с утра субботы и до вечера следующего дня /8 и 9 декабря/ продолжал пьяную оргию с проститутками в специально отведенных ему двух номерах комендантской гостиницы /где, кстати, проживают военный советник полковник Графов и комендант провинции подполковник Гирк и на площадях которых это происходило/. Заместитель по политчасти провинциальной комендатуры майор Атясов пытался, по нашему пред-

- 5 -

18

добежи, воздействовать на пьяного Демидова, но тот ответил ему грубой бранью и заявил, что номера в гостинице ему отвел "сам командант Гирко".

Для провинциальной комендатуры в Сингисю характерно также следующее. Оставшийся вместо Гирко, который выехал на два дня на совещание в Халдзо, его заместитель майор ФЕДОРОВ безпробудно два дня пьянствовал и не явился в комендатуру. В нем оставался только небудный сержант и не было даже ни одного офицера. Мертвецки пьяного Федорова с пьяными ординарцами мы нашли на второй день дома, местонахождения остальных офицеров комендатуры нам обнаружить не удалось. В течение двух дней огромный город Сингисю оставался фактически в не комендантского надзора. Подобное положение об"ясняет отчасти причину недавнего выступления корейских националистов именно в Сингисю.

Огромное количество фактов мародерства, насилия и проч., совершаемых ежедневно и повсеместно многими бойцами и офицерами, об"ясняется их безнаказанностью. Так, например, старший лейтенант И/с МАКСИМОВ из 884 БАО / Сингисю / систематически мародерствует, и это проходит ему безнаказанно. Проезжая 6 декабря через город Кидзю с колонной автомашин, Максимов остановился вместе с 7 своими шоферами на ночлег в местной корейской гостинице. Всю ночь вся компания пьянствовала и буштовала, требуя кенши, а утром, не расплатившись за ночлег и еду, уехала. 11 декабря, т.е. спустя 5 дней, на обратном пути Максимов с этой же колонной машин снова остановился в Кидзю. Военный комендант предложил ему рассчитаться с содержателем гостиницы за предыдущий раз. С огромным нежеланием, под принуждением коменданта, Максимов отдал деньги, но, как после выяснилось, не иены, а маньчжурские тоби, которые там не ходят. По выходе из этого города на окраине Максимов с одним из своих автоматчиков отребил

- 6 -

проходившего корейского крестьянина, забрав 180 иен. На наше предложение коменданту сообщить немедленно об этих фактах в Сингисю по месту службы Максимова, комендант капитан Каледин заявил, что он уже докладывал командованию о Максимове и о других, но безрезультатно, и что Максимов постоянно оплищается бесчинствами проезжая Кидзю и другие уездные города на пути из Сингисю в Хидзю.

Аналогичное положение мы наблюдали и в упоминавшемся выше городе Синсен, где бойцы и офицеры из дислоцирующегося там стрелкового полка безнаказанно творят различные безобразия при подустительстве командования полка и военной комендатуры. За один лишь день там мы были свидетелями трех следующих случаев. Одного мертвецки пьяного офицера - лейтенанта из полка подобрал и тащил на себе по улице кореец. В комендатуру обратился с жалобой окровавленный кореец, избитый рукояткой нагана одним пьяным офицером за то, что он не допустил насильствовать свою жену. Группа бойцов из роты связи этого полка раскидала местные хлопкоочистительный завод, увозя оттуда пиломатериалы, предназначенные для станков. Залезавшие нами бойцы доложили, что они по приказанию старшины роты "поехали за дровами". Накануне с этого же завода неизвестные военнослужащие вывезли несколько токов хлопка, оставив неразборчивые расписки. Все это происходило в полукилометре от комендатуры.

В городе Кансю в насилиях над местным населением активно участвуют отдельные перторги и комсорги подразделений, дислоцирующиеся там 258 СД. Комсорг 991 СД мл. лейтенант Чекишев, отделившись лишь ночевкой в комендатуру и простым выговором за то, что избил полицейского, помешавшего ему чинить насилие в квартире корейца, заявил: "Ну что ж, Ленин и Сталин сидели в тюрьме, теперь и я сижу". Настойчивые требования военного советника подполковника Скуцкого к Политотделу дивизии / нач. - подполковник Синяков / примерно наказать некоторых перторгов и комсоров, оставались без

- 7 -

20

внимания.

В городе Хайдао некоторые предприятия, с трудом введенные в эксплуатацию при содействии нашей гражданской администрации, останавливаются вновь. Предприниматели отказываются работать потому, что всю производимую продукцию насильно забирают неизвестные военнослужащие. Так, например, было с шелкоткацкой фабрикой, где готовую продукцию - шелк забрала группа офицеров авиации, унятив хозяину по 1 иене за метр.

Нет необходимости говорить об отталкивающем ~~влиянии~~ ^{влиянии}, какое оказывают такие факты на местное население. Оно начинает питать неприязнь к нашим воинам. Кроме того, это отрицательно сказывается и на авторитете местной компартии, о чем, например, заявил нам секретарь обкома партии в Кайсю.

Главная причина всех аморальных явлений заключается в примере подаваемом старшими военачальниками. Недостойное поведение многих малых и больших военачальников - командиров частей и соединений, ^створящих беззаконие открыто, на глазах у своих подчиненных вызывает массовое поправание.

Самочинные действия командира 258 СД полковника Дмитриева, приказывающего выселить из квартиры председателя провинциального Народного комитета, или вывезти облюбованную им мебель и сопровождающего свои действия словами: "корейцы 35 лет были рабами, пусть еще побудут ими" - не могут не оказывать развращающего влияния на офицеров и бойцов данной дивизии. Командир 39 корпуса генерал Морозов вывез недавно из Кореи около 10 автомашин с лично им захваченным имуществом, в том числе имуществом местного музея. Попытки нач. ПОАРМ полковника Громова обуздывать в партийном порядке подобных военачальников неизменно наталкиваются на противодействие Командарма генерал-полковника Чистякова. Для него характерен следующий факт. Когда нач. ПОАРМ^а доложил ему о Вашей шифровке в соответствии с директив

- 8 -

21

вои ГлавПУРКА № 003, возлагая на персональную ответственность на нач ЦОАРМ"а за наведение порядка в войсках, Чистяков сказал: "Сообщить в Округ, что в армии имеются командиры и Военный Совет". Утверждают, что и самому командиру не чуждо стяжательство. В Хэцзио циркулируют слухи / проверить которые нам не представлялось возможным/, что местное правительство выдало Чистякову 300.000 пён, как пострадавшему от пожара. Как известно, 16 ноября сгорел дом командующего вместе со всем его имуществом. Известно также, что пожар возник не в результате "диверсии", как это пытались представить, а в следствие поломки, продолжавшейся 22 часа по случаю проводов жены командующего.

Наконец, заявление командарма по поводу недавних событий в Синсене о том, что он "перевешает пол-Кореи", в случае осуществления угрозы синсенцев - свидетельствует об его политической недалекости.

Наведение порядка в войсках и оздоровление политико-морального состояния в частях 25 армии, в соответствии с директивой ГлавПУРКА № 003 требует принятия самых срочных и решительных мер. Исполнение политико-воспитательного воздействия должно сопровождаться на первых порах жесточайшими мерами репрессии. При этом примерному наказанию должны быть подвергнуты в первую очередь несколько крупных военачальников - командиров частей и соединений. Наказания должны стать гласными для всей армии, через приказы, в противном случае, как это показывает нынешняя практика, они никакого эффекта не дают. Кроме того, несколько случаев уже произведенных расстрелов рядовых и сержантов за насилие над местным населением ^{необходимо} широко опубликовать в армейской и местной корейской печати, как, кстати, сделали это американцы в Сеуле. Целесообразно также произвести частичную очистку личного состава армии от полурасколовшихся

- 9 -

22

от длительного пребывания за границей элементов, возвратив их в СССР.

III. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ КОРЕИ.

Продолжающаяся разруха в народном хозяйстве - промышленности и (в) транспорта - отрицательно сказывается на положении населения в первую очередь рабочих и других трудящихся городов. Производство и притока товаров почти нет, имевшиеся товары постепенно исчезают с рынка, цены, в том числе и на продукты питания катастрофически возрастают с каждым днем. Налицо инфляция. Общественных денежных знаков становится все больше, купить на которые почти ничего кроме продовольствия нельзя. Пока что выживают от этого спекулятивные элементы, а также помещики и верхушечная часть крестьян, выгодно сбывающие продукты сельского хозяйства по сильно вздутым ценам.

Подавляющая часть горожан, фабрик и рудников стоит. Рабочие деклассируются. Рудничные рабочие, например в уездах Сайнай / пров. Хванхэпдо / и Кидэмо / пров. Сев. Пхэньян / голодают и разбегаются. / Между прочим, на рудниках в уезде Кидэмо добывались речные и ценнейшие руды: уран, тантал и берилл. /

Крупнейший в городе Кайся металлургический завод стоит из-за отсутствия сырья готовой продукции. Завод обеспечен запасами сырья - рудой и углем, созданными еще при японцах, но работать не может.

Зарплата работающих рабочих и служащих чрезвычайно низка. Приказом нашего командования она оставлена на прежнем уровне, т.е. существовавшем до прихода Красной Армии, но ввиду возросшей покупательной способности она не обеспечивает прожиточного минимума.

- 10 -

113

Положение сельского населения, особенно арендаторской массы ^{составляющей} / ~~ее~~ ~~исчисляются~~ до 70 % всех крестьян / в начале заметно улуч- шавшееся в связи с сокращением арендной платы помещику на 40 % и воздвиганием продуктов, сейчас начинает ухудшаться. Причина - хлебозаготовки, производимые по приказу нашего командования. Объявленная нами хлебозаготовительная кампания не была тщательно продумана до конца. В результате планы хлеба и мяса поставок были составлены неправильно, без учета реальных возможностей. В ряде уездов план поставок сильно завышен, равен почти валовому урожаю, а по отдельным культурам даже превышает его. Так, в уезде Хакусен /пров. Северная Хэньян/ весь валовой урожай риса составляет 142 тыс. сак / 1 сак = около 150 кг. /, а заготовить там заплани- ровано 133 тыс. сак. Пшеницы предложено заготовить в этом уезде 232,6 сак, при урожае ее 2,205 сак, причем почти вся она вымер- зла на корню. Между тем для годового пропитания 70-тысячного на- селения уезда требуется 80 тыс. сак зерна и кроме того 3 тыс. сак семенного фонда, всего 83 тыс. сак. Остаток же после хлебозаготовок составит лишь 9 тыс. сак. Уезд угрожает голод.

В других уездах завышен план мясopоставок. В среднем он составляет 10 % всего поголовья скота, но местами он значительно выше и бьет по самому чувствительному для беззатлосой корейской деревни по рабочему скоту. Крестьян заставляют сдать последнего вола. // В корейской деревне подавляющая масса арендаторов рабоче- го скота не имеет, и один вол приходится в среднем на 3 - 4 козля- ва /.

Подобное положение вызывает местами острое недовольство крес- тьян, которые заявляют: "японцы брали меньше".

- II -

21

Не в меньшей степени озлобляли крестьян методы проведения хлебозаготовок. Представители армейского интендантства - заготовители вместе с комендантами уездов, часто через голову местных властей, сами форсировали хлебосдачу всяким крестьянским методами голого администрирования, угрозами и репрессиями. В армейском интендантстве было объявлено своеобразное соревнование: кто раньше из заготовителей закончит выполнение плана поставок, тот получает отпуск в Советский Союз. Заготовители соответственно старались во-всю.

В настоящее время это положение внешне как-будто бы изменилось. Хлебозаготовки отменены и объявлен принудительный хлебозакуп через местные самоуправления. Однако, по существу ничего не изменилось. По-прежнему действуют планы поставок с каждого уезда, волости и села с той лишь разницей, что наши заготовители сами теперь не спускаются в деревню: это делают за них местные власти - Народные комитеты. Последние в большинстве засорены саботажными помещичьими элементами и их подполосками и, объявляя свои действия крестьянам, они по-прежнему велят всю вину на Красную Армию. Не трудно видеть, какую пищу дает это враждебным нам пропаганда националистов и американцев.

Положение с хлебозаготовками становится не терпимым и требует вмешательства командования Округа, так как чревато серьезными политическими последствиями.

Представители провинциальных Народных комитетов / в Кайсе / в Сингисю / предлагают ограничить хлебозаготовки только для нужд Красной Армии, что составляет около 30 % всего плана. Хлебозакупки же для снабжения городов предоставить самим Народным комитетам без вмешательства Советского командования. Эти предложения нам представляются наиболее правильными и приемлемыми.

- 12 -

Угрожающим для деревни может оказаться отсутствие сельскохозяйственных удобрений к весне 1946 года. Это может резко снизить урожай риса будущего года. Крупнейший завод сельхозудобрений имеется в городе Канкс, но он до сих пор бездействует. Усилиями группы генерал-майора Романенко завод обещают пустить в ближайшее время, однако не на полную мощность: с выпуском 20 тыс. тонн в месяц, вместо несколько сот тысяч тонн. Это - капля в море.

В исключительно бедственном положении находится японское гражданское население. Оно согнано в определенные районы в городах, где царят ужасная скученность, антисанитария, голод, а главное - голод. Работы нет. Крупные специалисты - профессора, инженеры, разлюбив черной поленной работе за горсть риса. В Хейдзю из японских барачков ежедневно вывозятся десятки трупов. Трупы не успевают убрать и они продолжают оставаться в тех же помещениях. Холод и голод дополняются издевательствами над японцами со стороны корейского населения. Японцы боятся показываться на улице, на рынке, где у них корейцы безнаказанно отбирают последнее тряпье, продаваемое для пропитания. Командарм отверг предложение генерал-майора Романенко и политического советника тов. Баласанова отпустить для японского населения 30 тыс. тонн порченного трофейного риса, мотивируя это тем, что "рис уже учтен интендантством". Между тем этот рис поедается червем и в нормальных условиях в пищу почти не пригоден.

Отношения к японскому населению со стороны высшего армейского командования выражаются часто высказываемой несложной формулой:

"Пусть мрут".

По словам советского генерального консула в Сеуле товарища Полянского, американцы на Юге усиленно эвакуируют японское население на родину, предоставляя транспортные средства. В Южной Корее

японцев остается уже немного. Американцы перекладывают таким образом на само японское правительство заботу о своих подданных. В нашей же зоне оккупации местное японское население и, в особенности, многочисленные японские беженцы из Маньчжурии обречены на вымирание в течение этой же зимы, если не будут срочно приняты соответствующие меры.

IV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ .

Столкнувшись в ходе нашей работы с представителями различных слоев населения, общественных организаций и местных органов власти, мы имели возможность близко познакомиться с их политическими настроениями. Наиболее оптимистически настроена городская буржуазия, особенно торговая. Безудержный рост цен, спекуляция служат для этого достаточным основанием. Озабочена она главным образом одним: когда будет ликвидирована 38 параллель, чтобы на Север мог хлынуть поток товаров с Юга. Пока что эти товары проникают оттуда контрабандным путем, причем в довольно большом ~~размере~~ размере. Так, например, даже в северных районах /Сев. Хэ-ньян/ продаются американские сигареты, трикопак. Кстати, туда же проникают в большом количестве и сеульские газеты - корейские и американские и открыто продаются на улицах, как впрочем и в других городах, в частности в Хэйдзио.

Промышленники, также как и торговцы, наименее ущемленные новыми преобразованиями, находят приложения своего капитала в производстве. Однако, это часто наталкивается на труднопреодолимые ^{на местах} препятствия: отсутствие ~~выр-я~~ ^{на местах} и полное транспорта, а для тяжелой и горной промышленности еще и - сырья. Транспорт - железнодорожным и автомобильным является самым узким местом. На железной дороге полная разруха. Поездная прислуга разбегается с полустан-

ков из-за отсутствия угля и питания. Автотранспорт, почему то почти весь оказался "трофейным", в том числе и принадлежащий корейским предпринимателям. Часто у корейского заводчика не на чем вывезти готовую продукцию и завезти сырье и топливо. Единственная грузовая автомашина, не говоря уже о легковой, была из "ял" как-то воинской частью, либо командатурой в качестве "трофейной".

Многим предпринимателям в налаживании производства мешает как указывалось выше, произвол отдельных военнослужащих, забирающих у них под угрозой оружия изготовленную продукцию.

Для того, чтобы пустить в ход какой-либо водочный завод или табачную фабрику, или какое-либо другое предприятие, требуется самая разнообразная помощь со стороны Советского командования, начиная от транспорта и кончая... автоматчиками для охраны его предприятия от мародерствующих военнослужащих.

Помещики - наиболее угнетенная новым режимом часть населения. Они уже понесли "убыток", получив 30 % вместо 50 % урожая в качестве арендной платы. Кроме того, они озабочены судьбой своей земельной собственности. Об аграрной реформе в Корею не говорят и не пишут, так как никто, в том числе и Компартия, к ней серьезно не готовится. Но помещики чувствуют, что что-то должно произойти. Многие из них спешат продать свою землю, но ее никто не покупает. Цена на землю сильно упала.

Помещики наиболее реакционная часть корейского населения
Националистическое движение относится главным образом на них.

И они попрежнему держат в страхе зависимых от них безземельных арендаторов.

Корейские крестьяне, как и всюду на востоке - самая нищая, забитая и затемненная часть населения. Они боятся вступать открыто в разговоры о земле. Коммунисты в деревнях не бывают. Никакого общественного движения среди крестьян нет, если не считать созданных кое где коммунистами в уездных и волостных центрах "Крестьянских союзов" / или "комитетов"/. Эти союзы пока еще малочисленны и влиянием в широких арендаторских массах не пользуются. Их считают "коммунистическими" и это отталкивает от них крестьян. Непосредственно до деревни новое веяние еще не дошло за исключением скидки арендной платы. Кстати, последнее обстоятельство заметно сократило товарность сельского хозяйства так как крестьяне впервые стали есть сырое и, главное, рис, которого они при японцах не ели.

Полунищий, безземельный арендатор считает святым делом посягнуть как либо на земельную собственность помещика, своего "благодетеля". Он не допускает мысли "общить" в чем либо помещика. "Он нам ничего плохого не сделал" - заявляют крестьяне. В лучшем случае им представляется справедливым, чтобы "не обобщить" помещика, купить у него землю, уплатив полным рублем, "хорошо бы подешевле", но ни в коем случае не получить землю бесплатно. "Тогда я не буду ее считать своей, я не буду хозяином" - говорят арендаторы. Но какими путем купить, где взять денег? - на этот вопрос никто из них ответить не в состоянии.

Надо заметить, что крестьянская психология "не обобщить помещика" проникла даже в среду корейских коммунистов, у которых, кстати, вообще никакого ^вцельного представления о земельной реформе нет. В беседах с нами т.т. Ким Ир Сен, О Ги Сен, Ким

24

- 16 -

ты. Бом и другие ничего другого кроме толцеского способа решения аграрной проблемы не предлагают. Они считают, что достаточно об"явить побольше помещиков и крестьян-собственников "врагами народа" и, перераспределив их земли среди бедных, совершить тем самым "аграрную реформу". В деревню коммунисты еще только собираются пойти, чтобы поднять там, по их словам, "моцное крестьянское движение за землю".

При нынешнем положении корейской компартии этот план по меньшей мере проблематичен. В корейской компартии еще нет порядка в собственном доме. Организационно - это еще очень рыхлая и разнородная масса, засоренная чуждым элементом, требующая серьезной чистки. В ней почти нет рабочих и совсем нет крестьян. Попрямому происходит ожесточенная внутрипартийная борьба. В Сеуле против Пак Хэнэна возникла еще какая-то новая "рабочая" оппозиция, обвиняющая его в том, что он "продал себя американцам". В Хэйдзио только теперь были вынуждены обнаружить принадлежность Ким Ирсена к компартии, чем причинили немалый вред общему демократическому движению. ^{Лидеры} демократической партии во главе с Чо Мансигом заявляют, что если бы они раньше знали, что Ким Ирсен возглавит компартию, они не создали бы демократической партии под его идейным руководством. Неумное и ничем необъяснимое сокрытие с самого начала от корейской общественности коммунистической принадлежности Ким Ирсена, хотя она и без того была прекрасно осведомлена об этом из Сеула, было грубой политической ошибкой, нанесшей определенную вред.

Главное, в чем нуждаются в настоящий момент корейские коммунисты - это в идейной закалке. Для этого нужны марксистские педагогические кадры и литература, в частности, "Краткий курс истории ВКП/б/". Всем этим необходимо как можно быстрее помочь ко-

рейской компартии.

Местные самоуправления, так называемые "Народные комитеты" представляют собой пародию на органы власти. Во всех без исключения Народных комитетах наблюдается одна и та же картина. Все чиновники во главе с председателем комитета сидят вокруг чугунной печки; курят и обильно беседуют. Так продолжается весь рабочий день с перерывом на обед. В положенное время, в 4 часа, в комитете не остается ни души. В десятках посещенных нами Народных комитетах во всех трех провинциях мы не встретили ни одного деятельного и занятого какой либо работой за столом чиновника. По нашим наблюдениям - это демонстративное безделье имеет под собой политическую подоплеку. Как правило, почти во всех Народных комитетах, которые никто не избирал, преобладают буржуазно-помещичьи элементы. Подлинных представителей народа в них почти совершенно нет или очень мало. Не желая брать на себя ответственности за все происходящее сегодня, при наличии Красной Армии в стране, эти комитетчики попросту отсиживаются, выжидая лучших времен. Возможно также, что этот повсеместный своеобразный саботаж руководится и направляется из одного определенного центра - из столицы.

х х х

Наше управление по делам гражданской администрации, так называемая "группа генерал-майора Романенко", справляется со своей ответственной задачей с огромным трудом, преодолевая большое количество всякого рода препятствий. Одна из основных трудностей состоит в том, что штат работников этой группы крайне мал. Кроме того, до последнего времени не было, да и сейчас еще не хватает переводчиков. Между тем, речь идет о существовании об управлении целой страной, с 10-миллионным населением, т.е. в три раза боль-

- 18 -

31

шей, чем Финляндия и почти равной Венгрии. Многогранная государственная, политическая и экономическая деятельность этой группы требует несомненно гораздо большего штата работников, включающего крутых специалистов во всех отраслях государственного строительства и народного хозяйства. Достаточно сказать, что в группе, например, нет ни одного специалиста - аграрника, в то время, как Корея по преимуществу аграрная страна. Нет также многих других экспертов. В результате происходят такие например казусы. Работники группы обследуя провинцию произвольно дифференцируют крестьян на "кулаков, середняков и бедняков", т.е. механически переносят советские понятия на безземельную арендаторскую массу корейской деревни, пользуясь при этом самыми нелепыми критериями. Или, другой случай. Нач. штаба группы подготовил технически неграмотный приказ комендантам о проведении ими всеобщей земельной переписи, наивно полагая, что земельную перепись можно произвести одним лишь административным распоряжением.

В политической области работа группы дублируется работой Политотдела армии. Так, всеми политическими партиями и общественными организациями занимается одновременно и группа и ПОАРМ / 7 отделение/. Получается ненужное дублирование, осложняющее руководство. Кроме того оно ведет к излишним ошибкам. Так, цензор 7 отделения ПОАРМ"а майор Кондратьев, не осведомленный о положении на Юге, пропустил в местной корейской газете сообщение о прибытии Ким Гу в Сеул. Этого не случилось бы, если бы целиком вся политработа в том числе и печать и цензура направлялась из одного центра - или ПОАРМ"а или Группы. В последнем случае 7 отделение ПОАРМ"а следовало бы придать группе, так как и группа / полковник Угнетев/ и 7 отделение занимаются по существу одной и той же работой.

Что касается печати, то директива тов. Булганина о свобод

- 19 -

32

местной печати выполняется только формально. В этом вопросе допуска-
ется излишняя осторожность. Формально всякие издания разрешены, а
по существу они выходить не могут из-за цензурных затруднений.
Введена очень сложная и громоздкая предварительная цензура на все
издания, в то время, как можно было бы допустить последующую цен-
зуру на некоторые газетные издания. Это шире развязало бы местную
издательскую инициативу. Штрафы и другие цензурные репрессии вполне
предостратили бы нежелательную пропастанту. В конце концов, риск был
бы небольшим: Корея не советская страна, а буржуазно-демократичес-
кая, и сегодня в любой северной провинции значительно легче приоб-
рести сеульскую газету, чем добиться выхода местной.

Дело с изданием печати, особенно в провинциях, осложняется
еще и отсутствием полиграфической базы у корейцев. Большинство имев-
шихся типографии обременены нашими трофеями.

Главная трудность в работе группы генерал-майора Романенко
состоит, по нашему мнению, в отсутствии должного контакта с коман-
дованием армии. Обремененный высокими полномочиями по управлению стра-
ной группа по существу не обладает никакими реальными правами и на-
ходится в полной зависимости от командарма. Последний же в вопросах
управления государством не всегда отличается политической прозорли-
востью. Координальное разрешение данного вопроса с целью урядоупо-
нения управления Северной Кореей требует немедленного отделения граж-
данской администрации от командования армии, с подчинением первой
непосредственно Военному Совету Округа.

ПОДПОЛКОВНИК

Редюков

/ ФЕДОРОВ /

МАЙОР

В. И. В. И. Ц. /

29 декабря 1945 г.

Плеч. 1 экз. - адресату.

65.29.XII.45. вр.

- 19 -

82

местной печати выполняются только формально. В этом вопросе допуска-
ется излишняя осторожность. Формально всякие издания разрешены, а
по существу они выходить не могут из-за цензурных затруднений.
Введена очень сложная и громоздкая предварительная цензура на все
издания, в то время, как можно было бы допустить последующую цен-
зуру на некоторые газетные издания. Это широкотравляло бы местную
издательскую инициативу. Штрафы и другие цензурные репрессии вполне
предостратили бы нежелательную пропаганду. В конце концов, риск был
бы небольшой: Корея не советская страна, а буржуазно-демократичес-
кая, и сегодня в любой северной провинции значительно легче приоб-
рести сеульскую газету, чем добиться выхода местной.

Дело с изданием печати, особенно в провинциях, осложняется еще и отсутствием полиграфической базы у корейцев. Большинство имевшихся типографий обременены нашими троссами.

Главная трудность в работе группы генерал-майора Романенко состоит, по нашему мнению, в отсутствии должного контакта с командованием армии. Обремененный высокими полномочиями по управлению страной группа по существу не обладает никакими реальными правами и находится в полной зависимости от командарма. Последний же в вопросах управления государством не всегда отличается политической прозорливостью. Координальное разрешение данного вопроса с целью упорядочивания управления Северной Кореей требует немедленного отделения гражданской администрации от командования армии, с подчинением первой непосредственно Военному Совету Округа.

ПОДПОЛКОВНИК

Редюков /ЩЕДРОВ/

С. М. А. Я. О. Р.

Влюбленность и вшиц!

29 декабря 1945 г.

Плеч. 1 экз. - адресату.

03.29.XII.45. вр.

Secret
Copy № 1

TO MEMBER OF THE MILITARY COUNCIL OF THE MARITIME MILITARY DISTRICT
GENERAL-COLONEL Cde. SHTYKOV

[handwritten: Outgoing [[number]] 03003,
11 January 1946]

I submit the memorandum of Lt. Col. Fedorov about the work of military commandants' offices and the political and morale situation of the troops deployed in North Korea, and also about the economic situation of the population of North Korea.

ATTACHMENT: The aforementioned, on 19 pages, to the addressee only.

CHIEF OF THE POLITICAL DIRECTORATE OF THE MARITIME MILITARY DISTRICT
GENERAL-LIEUTENANT

/signature/ KALASHNIKOV

Two copies printed

1 - to the addressee

2 - to file

Drafted by Chukov

k. n. [possibly "office number" (kantselyarsky nomer)] 74.11.1.46
vr.

SECRET

TO THE CHIEF OF THE POLITICAL DIRECTORATE OF THE MARITIME MILITARY DISTRICT
GENERAL-LIEUTENANT Cde. KALASHNIKOV

MEMORANDUM

Carrying out your assignment to study agrarian relations in Korea, we at the same time interested ourselves in the political and economic situation on the ground. Having visited three provinces during the month and a half in Korea - Hwanghae-do, North, and South Pyeongan - we encountered a number of serious facts which we report below.

I. MILITARY COMMANDANTS' OFFICES

Our provincial, city, and district Military Commandants' Offices are the primary bodies through which our command maintains contact with the North Korea population of ten million. The district commandants' offices are the main ones since there are more of them and they exercise control over two-thirds of the population. However, the operation of a majority of these commandants' offices does not meet the requirements imposed on them. As a rule, the commandants are poorly oriented in both the politics and economy of their region and Korea as a whole and cannot maintain the necessary relations with the local population entrusted to them. The

style of their work is nakedly high-handed administrative methods and repression. In addition, the district commandants' offices control only district centers, the cities in which their commandants' offices are located. The commandant's office officials are almost never in villages and rural districts, do not maintain contact with rural district administration, and do not interest themselves in the life and situation of the Korean countryside. There is a lack of interpreters - there are still none in 52 commandants' offices today - which considerably complicates the work of the latter and makes them absolutely powerless in business dealings with local authorities and the population. They express themselves only with [mimicry] and gesticulations.

The overwhelming majority of commandants' deputies for political affairs are not suited for their assignments as political leaders of a district or city. They are mainly junior lieutenants (44 of 74), somewhat familiar with army political work and completely inexperienced in questions of political work among a civilian population, particularly a foreign population. Their complete ignorance of the local political and economic system, national characteristics, public life, not to mention language - the lack of interpreters is felt most here - and also an inability to find the necessary forms and methods of political influence turns the political workers of commandants' offices into powerless appendages of the latter. They are not able to monitor the press; the agitation and propaganda of local political organizations; or the operation of schools, the theater, etc. At best the matter comes down to just persecution and repression. Meanwhile, nationalist and American propaganda from Seoul penetrates widely everywhere and they do not notice it. Finally, in many commandants' offices there simply are no deputies for political affairs. Twenty-eight commandants' offices are not staffed with one. There are 74 and 102 are needed.

The city and district commandants' offices in Korea are little different from ordinary commandants' offices in the nature of their activity. Almost all their work comes down to arresting servicemen who have broken the law and staging support to military groups passing through. A considerable portion of their energy is consumed by work with the local police and also monitoring brothel, hospitals, restaurants, and bars, that is, police functions.

The latter is, for example, the most characteristic of Captain Timofeyev, the commandant district of Sincheon [Sinsen] (Hwanghae-do Province). His usual style of conversations with Koreans summoned to the commandant's office is intimidation with a pistol taken out of the holster and placed on the desk for this purpose. Almost all his time at work is absorbed in sweeps of brothel, registering prostitutes, and monitoring hotels and restaurants. He does almost nothing else. He is not interested in the economic and political situation of his district. He had difficulty answering our question, "Who is the biggest landowner in the district and how much land does he have?" Meanwhile, the biggest landowner there turned out to be the chairman of the local government and the district People's Committee himself who is openly sabotaging all the measures of the new government and Soviet command with the connivance of the commandant. The "People's Committee" he created is composed almost entirely of landowners and bourgeois elements and their yes-men. Commandant Timofeyev has not noticed this nor taken the proper measures. It is therefore no accident that certain events have recently occurred in this district.

It is just such a style of work that is also characteristic of Captain Kaledin, the commandant of Gilju (North Pyeongan Province). He is a very young man, an intelligence officer by specialty, who began the war as a sergeant and was an electrician before he joined the army. His political outlook is quite limited. Police methods are closer and more understandable to him. By the way, he did not yet have a deputy for political affairs.

In our opinion, [the following] are necessary to strengthen the Military Commandants' Offices:

1. Reexamine the staffing of district commandants' offices and also their deputies for political affairs, replacing them with senior officers (no lower than major) who have past experience in government [sovetskaya] or Party work (rayon executive committee or Party rayon committee officials).

2. Increase the monitoring and supervision of commandants by provincial military advisers.

3. Immediately assign 28 additional deputies for political affairs of commandants' offices.

4. Expedite the dispatch of the remaining 52 Korean interpreters for commandant's offices.

II. THE POLITICAL AND MORALE CONDITION OF THE TROOPS

Immoral behavior by servicemen which tarnishes the honor and dignity of our army and country has taken on truly catastrophic dimensions in Korea. Shots are heard at night in cities and districts everywhere our units are deployed. Even in Haeju, where order is relatively better than in other cities, not one night passes without shooting.

Drunkenness, the source of all kinds of incidents and immoral conduct, is observed everywhere. It especially thrives in the city of Sinuiju where one can see drunken servicemen on the street even during the day. Drunken orgies occur in the evening in all hotels and brothels (there are more than 70 in Sinuiju). Drunken officers take turns with privates in using prostitutes with the connivance of commandant's details patrolling in the same location. The tone in all these outrages is set by the personnel of an air division deployed in Sinuiju (whose chief of the political department is TsUNIK). The servicemen of the local rifle regiment headed by its commander Major DEMIDOV are not far behind. For two days beginning Saturday morning until the evening of the following day (8-9 December) the latter continued a drunken orgy with prostitutes in two rooms of the commandant's hotel especially set aside for them (where, by the way, military adviser Colonel Grafov and commandant of the province Lt. Col. Girko live and before whose eyes this occurred). At our suggestion, Major Atyasov, the deputy for political affairs of the provincial commandant's office, tried to influence the drunken Demidov but he replied with abusive language and declared that the rooms in the hotel had been set aside for him "by commandant Girko himself".

The following is also characteristic of the provincial commandant's office in Sinuiju. Major FEDOROV, left [in charge] in place of [Girko], who had gone to a meeting in Haeju for two days, drank himself into a stupor for two days and did not appear at the commandant's office. Only the sergeant on duty remained in it, not a single officer. We found the dead-drunk Fedorov with drunken orderlies at home on the second day and were unable to determine the whereabouts of the remaining officers of the commandant's office. The huge city of Sinuiju was actually left without the oversight of a commandant for two days. Such a situation partly explains the reason for the recent demonstration by Korean nationalists right in Sinuiju.

The enormous number of cases of looting, violence, and the like committed daily and everywhere by many enlisted men and officers is explained by their impunity. For example, Senior Lieutenant of the Engineer Service MAKSIMOV from the 884th BAO [Airfield Maintenance Battalion] (Sinuiju) systematically looted, for which he was not punished. Passing through the city of Gilju on 6 December in a convoy vehicle, Maksimov stopped for the night at a local Korean hotel with seven of his drivers. The entire group drank all night and rampaged, demanding women, and left in the morning without paying for the room and board. On 11 December, that is, five days

later, on the way back Maksimov and the same vehicle convoy again stopped in Gilju. The military commandant suggested that he pay for the previous stay at the hotel. Forced by the commandant, Maksimov handed over the money with great reluctance but, as it later became clear, not yen but Manchurian gobis which are not good there. When leaving this same city at the outskirts Maksimov robbed a passing Korean peasant with one of his submachine gunners and took 180 yen. In reply to our suggestion that the commandant immediately report these incidents to Sinuiju, Maksimov's place of duty, Captain Kaledin, the commandant, declared that he had already reported to the command about Maksimov and about others but without result, and that Maksimov constantly distinguishes himself with outrages when passing through Gilju and other district cities on the way from Sinuiju to Haeju.

We also observed a similar situation in the aforementioned city of Sincheon, where enlisted men and officers from the rifle regiment deployed there commit various outrages with impunity with the connivance of the regimental command and the military commandant's office. We were witnesses to the three following incidents in just one day. A Korean selected and dragged one dead-drunk officer, a lieutenant from the regiment, along the street. The bloodied Korean, beaten by the grip of a revolver by one drunken officer, had complained to the commandant's office that he was not going to tolerate his wife being raped. A group of soldiers from the signals company of this regiment looted a local cotton ginning mill and took away lumber intended for lathes. The soldiers whom we arrested reported that "they had gone for firewood" on the order of their company senior non-commissioned officer. The day before unknown servicemen took away several bales of cotton remaining from this same mill, leaving illegible receipts. All this happened half a kilometer from the commandant's office.

Individual Party and Komsomol organizers of a subunit of the 258th Rifle Division deployed there actively participated in attacks on local residents in the city of Haeju [Kaisyu]. Junior Lieutenant Chekmarev, the Komsomol organizer of the 991st Rifle Regiment, got off with only spending the night in the commandant's office and a simple reprimand for beating a police officer who had kept him from committing a violent attack in the apartment of a Korean, and declared, "Well, so what? Lenin and Stalin spent time in prison, now I am". The insistent demands to the division political department (the chief is Lt. Col. Sineskov) from Lt. Col. Skutsky, the military adviser, to make an example and punish some Party and Komsomol organizers were ignored.

Some enterprises in the city of Haeju which were put into operation with difficulty with the assistance of our civil administration are again coming to a halt. The owners are refusing to work because unknown servicemen are taking all the production by force. For example, this was the case with a silk-weaving mill where the finished product - silk - was taken by a group of air force officers who paid the owner one yen per meter.

There is no need to speak of the unpleasant influence which such occurrences have on the local population. They are beginning to feed hatred toward our soldiers. In addition, this also reflects negatively on the authority of the local Communist Party which, for example, the secretary of the provincial committee [obkom] told me in Haeju [Kaisyu].

The main reason for all the immoral phenomena is in the example given by senior military commanders. The unworthy behavior of many low-level and senior military commanders - unit and formation commanders - openly committing unlawful acts in front of their subordinates produces mass imitation.

The illegal actions of Colonel Dmitriev, the commander of the 258th Rifle Division, who ordered the chairman of the provincial People's Committee out of his apartment, or the removal of furniture he selected, accompanying his actions with the words,

"The Koreans were slaves for 35 years, let them be so a little longer", cannot fail to exert a corrupting influence on the officers and enlisted men of this division. General Morozov, the commander of the 39th Corps, recently took 10 vehicles from Korea with property he had personally seized, including property of a local museum. Attempts by Colonel Gromov, the chief of the POARM [Army Political Department] to restrain similar military commanders through Party channels encountered the opposition of General-Colonel Chistyakov, the Commanding General of the Army. The following case is typical of this. When the chief of the POARM reported to him about your enciphered message in accordance with GlavPURKKA [Main Political Directorate of the Workers' and Peasants' Red Army] Directive № 003, charging the chief of the POARM with personal responsibility for putting things in order in the troops, Chistyakov said, "Inform the [Military] District that the army has a Commanding General and a Military Council". They confirm that money-grubbing is not alien to the commanding General of the Army himself. Rumors are circulating in Haeju (it has not proven possible for us to verify them) that the local government has allocated Chistyakov 300,000 yen as a fire victim. As is well known, on 16 November the commanding general's house and all his property burned down. It is also known that the fire arose not as the result of "sabotage", as they tried to represent it, but as a consequence on the occasion of drinking bout that went on for 22 hours on the occasion of a sendoff for the commanding general's wife.

Finally, the statement of the army commanding general about the recent events in Sincheon that he "would hang half of Korea" in the event the residents of Sincheon carried out threats is evidence of his political shortsightedness.

Bringing things in order in the troops and the political and morale situation in units of the 25th Army in accordance with GlavPURKKA Directive № 003 require the adoption of the most urgent and vigorous measures. An increase in political and indoctrinational impact should be accompanied first by the sternest measures of repression. When this is being done some major military commanders, unit and formation commanders, should firstly be subjected to exemplary punishment. The punishments should become known to the entire army via orders, otherwise, as current practice has shown, they will have no effect. In addition, several instances of executions of privates and sergeants for violence against the local population [inserted by hand: need] to be widely publicized in the army and local Korean press as, by the way, the Americans did in Seoul. It is also advisable to conduct a partial purge of army personnel who have become semi-corrupted [polurazlozhivshiesya] from a long period abroad and return them to the USSR.

III. THE ECONOMIC SITUATION OF THE POPULATION OF NORTH KOREA

The continuing devastation in the economy - industry and transportation - adversely affects the population's situation, manual laborers and other workers of the cities first of all. There is almost no production and influx of goods, and existing goods constantly disappear from the market. Prices, including those for food, are climbing catastrophically with each day. There is inflation. Occupation currency is becoming more common and it is almost impossible to buy anything with it except food. As long as speculative elements, and also landowners and the upper part of the peasantry, profit from this, agricultural products for sale[will be] profitable at wildly inflated prices.

Most factories, mills, and mines are idle. Workers are become declassed. Mineworkers, for example, in the districts of Sainei (Hwanghae-do Province) and Gilju (North Pyeongan Province) are starving and scattering. (By the way, rare and very valuable ore is mined in the mines of the district of Gilju: uranium, tantalum, and beryllium).

The largest metallurgical plant in the city of Haeju [Kaisyu] stands idle because of a

lack of a market for the finished product. The plant is supplied with reserves of raw material, ore and coal, created back during the time of the Japanese but is not able to operate.

Wages for employed manual laborers and white-collar workers are extraordinarily low. They have been set at the previous level by order of our command, that is, those which existed before the Red Army arrived, but in view of the increase in prices they do not provide a living wage.

The situation of the rural population, especially the tenant masses (comprising up to 70% of all peasants), which had noticeably improved at first in connection with the 40% reduction of the rent payment to the landowner and the rise in food prices, is now beginning to worsen. The reason is the grain purchases being conducted by order of our command. The grain purchasing campaign which we announced was not carefully thought out to the end. As a result the grain and meat delivery plans were incorrectly drawn up without considering real capabilities. In a number of districts the delivery plan was greatly increased, equal to the gross harvest, and even exceeding it for some crops. For example, in the district of Hakusen [sic] (North Pyeongan Province) the entire gross harvest of rice is 142,000 sak (one sak = about 150 kg), but the planned purchase there was 133,000 sak. It was proposed to purchase 2,326 sak of wheat in this district when the harvest was 2,205 sak at a time when almost all of it had frozen before being harvested. Meanwhile, 80,000 sak of grain plus 3,000 sak of seed stock are required annually to feed the 70,000 population of the district, a total of 83,000 sak. The remainder after grain purchases is only 9,000 sak. The district is threatened with famine.

The meat delivery plan was increased in other districts. It is 10% of all the livestock on average, but in places it is considerably higher and hits the most sensitive thing for a Korean village without draft animals - the work stock. The peasants are forced to send the[ir] last bull. (In a Korean village an overwhelming number of tenant [farmers] do not have work stock and have an average of one bull for three or four farms).

A similar situation is causing intense displeasure among the peasants in places, who say, "The Japanese took less".

The peasants have become embittered to no less a degree by the methods of purchasing grain. Representatives of the army quartermaster service, who are the purchasers along with the district commandants, have themselves often forced grain delivery on each peasant through the chief local authority by nakedly high-handedly administrative methods, threats, and repression. A unique competition was announced in the army quartermaster service - whichever grain purchaser fulfills the purchase plan first would receive leave to the Soviet Union. The purchasers accordingly tried everything.

At the present time this situation has apparently outwardly changed. Grain purchases have been abolished and a compulsory grain purchase through local governments has been announced. However, essentially nothing has changed. As before, the delivery plans from each district and village are in effect with the only difference being that now our purchasers do not come down to the village themselves. This is done for them by the local authorities, the People's Committees. A majority of the latter are being hampered by sabotaging landowner elements and their supporters and as before they shift all blame on the Red Army when explaining their actions to the peasants. It is not hard to see that this feeds the propaganda of the Americans and the nationalists who are hostile to us.

The situation with grain purchases is becoming intolerable and demands the intervention of the command of the military district since it is fraught with serious

political consequences.

The representatives of provincial People's Committees (in Haeju [Kaisyu] [and] in Sinuiju) suggest limiting grain purchases to just the needs of the Red Army, which is about 30% of the entire plan. Let the People's Committees themselves [conduct] grain purchases to supply cities without the intervention of the Soviet command. These suggestions seem to us to be the most correct and reasonable.

The lack of fertilizer might be threatening to the countryside by the spring of 1946. This might sharply reduce next year's rice harvest. The largest fertilizer plant is in the city of Hamheung [Kanko], but up to now it has been idle. They promise to put the plant into operation in the near future through the efforts of General-Major Romanenko's group, however not at full capacity, with the production of [2]0,000 tons a month instead of several hundred thousand tons. This is a drop in the bucket.

The Japanese civilian population is in an exceptionally disastrous situation. It has been herded to certain areas in the cities where terrible overcrowding, unsanitary conditions, and cold are prevalent, and the main thing, hunger. There is no work. Major specialists - professors and engineers - [will do] any dirty day labor for a handful of rice. In Haeju they take dozens of bodies from the Japanese barracks every day. They are not managing to dispose of the bodies and they continue to remain on the same premises. Cold and hunger add to the humiliations of the Japanese from the Korean population. The Japanese are afraid to appear on the street [or] in the markets, where Koreans take from them with impunity their last rags which they sell for food. The commanding general of the army has turned down the suggestion of General-Major Romanenko and political adviser Cde. Balasanov to release 30,000 tons of spoiled captured rice for the Japanese population, explaining this as, "the rice has already been accounted for by the quartermaster". Meanwhile, this rice is being eaten up by worms and in normal conditions is almost not fit as food.

The attitude toward the Japanese population on the part of the senior army command is expressed by the frequently expressed simple formula, "let them die".

According to Cde. Polyansky, the Soviet Consul-General in Seoul, the Americans in the South are vigorously evacuating the Japanese population to their homeland, furnishing transports. Not many Japanese still remain in South Korea. The Americans are thus strengthening the concern of the Japanese government itself for its own subjects. In our own zone of occupation the local Japanese population and, in particular, the Japanese refugees from Manchuria, are doomed to die this winter if appropriate steps are not urgently taken.

IV. THE POLITICAL SITUATION

Encountering representatives of various strata of the population, public organizations, and local government bodies in the course of our work, we have had an opportunity to become closely acquainted with their political sentiments. The urban bourgeoisie, especially the merchants are the most optimistic. The unchecked increase in prices and the speculation serve as sufficient reason for this. They are mainly concerned by one thing: when will the 38th Parallel [boundary] be eliminated so that the flow of goods might gush from the South? In the meantime these goods come from there through smuggling, and in quite large quantity. For example, American cigarettes and knitted goods are sold even in the northern regions (North Pyeongan). By the way, Seoul newspapers, Korean and American, get there in large numbers and are openly sold on the street as however in other cities, Haeju in particular.

Like merchants, industrialists also are the least pinched by the new reforms and are eager to apply their capital to production. However, this often runs up against

obstacles which are difficult to overcome: the lack of [inserted by hand: local (na meste)] raw material and the main thing, transport, but for heavy industry and mining there is one more thing, the [lack of a] market. Transportation, rail and automotive, is very much in a bottleneck [samoe uzkie mesto]. There is complete disorder [razrukha] on the railroads. Train crews are scattering from whistle stops because of a lack of coal and food. Automotive transport, including that belonging to Korean businessmen, has for some reason almost completely become "war booty". Often a Korean factory owner has nothing on which to transport a finished product or to bring in raw material and fuel. The only truck, not to mention automobile, has been removed by either a military unit or the commandant's office as "war booty".

As indicated above, many businessmen are hindered in setting up production by the lawless actions of individual servicemen who take manufactured goods from them at gunpoint.

The most diverse sponsorship [samaya raznoobraznaya opeka] and aid from the Soviet command are required in order to put any water plant or tobacco mill or any other enterprise into service, beginning with transport and ending...with submachine gunners to protect his enterprise from looting servicemen.

Landowners are the part of the population most hurt by the new regime. They have already suffered "losses", having received 30% of the harvest instead of 50% as the rent payment. In addition, they are concerned for the fate of their own landholdings. They do not speak or write about agrarian reform in Korea since no one, including the Communist Party, is seriously preparing for it. But the landowners feel that something ought to happen. Many of them are hurrying to sell their land but no one is buying. The price for land has fallen sharply.

Landowners are the most reactionary part of the Korean population. The Nationalist movement is relying chiefly on them. And, as before, they keep the landless tenants, who are dependent on them, in fear.

The Korean peasants, as everywhere in the Orient, are the poorest, most oppressed, and obscure part of the population. They are afraid to speak openly in a discussion on land. There are no Communists in the villages. There is no social movement among the peasants if one does not count the "Peasant Union" (or "committees") created by the Communists here and there in district capitals. These unions are still small in number and do not have influence among the broad masses of tenants. They are considered "Communist" and this alienates the peasants from them. The new trend has still not reached the countryside directly with the exception of the reduction of the rent payment. By the way, the latter fact has noticeably decreased the marketability of agriculture, since the peasants have begun for the first time to eat their fill and the main thing, rice, which they did not eat under the Japanese.

The near-destitute landless tenant [farmer] considers it a sacrilege to infringe on the landholdings of the landowner, his benefactor, in any way. He does not permit himself the thought of "offending" the landowner in any way. "He did nothing bad to us", declare the peasants. At best, it seems fair to them "not to offend" the landowner, to buy land from him, paying full price. "It would be good if [it were] cheaper", but in no event to get land for free. "Then I won't consider it my own, I will not be the owner", say the tenants. But how to buy it, and where to get the money? None of them is able to answer this question.

It needs to be noted that the peasant psychology "to not offend the landowner" has even penetrated the environment of the Korean Communists who, by the way, have no entire idea about land reform. In conversations with us Cdes. Kim Il Sung, O Gi-seop [O Ki Sop], Kim Yong-beom [Kim Yong Bom], and others proposed nothing but police means of accomplishing agrarian reform. They think that it is enough to

declare a few more landowners and peasant owners "enemies of the people and redistribute their land among poor peasants and thereby accomplish "agrarian reform". The Communists are still only planning on going to the countryside and, in their words, to rouse "a powerful peasant movement for land" there.

In the present situation of the Korean Communist Party this plan is problematical at the very least. In the Korean Communist Party there is still no order in their own house. Organizationally it is still a very loose and motley mass choked with alien elements, requiring a serious purge. There are almost no manual laborers in it and no peasants at all. As before, a fierce intra-Party struggle is taking place. Yet another new "workers'" opposition has arisen against Pak Heon-yeong [Pak Hon Yong] in Seoul, accusing him of "having sold himself to the Americans". In Haeju only now were they forced to make public Kim Il Sung's affiliation with the Communist Party, which has caused a lot of damage to the overall democratic movement. [Typed above the line as an insertion: The leaders] of the Democratic Party headed by Jo Man-sik [Jo Man Sik] declare that if they had known earlier that Kim Il Sung headed the Communist Party they would not have created the Democratic Party under his [Translator's note: presumably Kim's] ideological leadership. The concealment of Kim Il Sung's Communist affiliation from the Korean public was foolish from the very beginning and in no way justified; although, however, it [Translator's note: the Democratic Party] was excellently informed about this from Seoul, it was a stupid political mistake which has caused certain damage.

The main thing that Korean Communist need at the present moment is ideological tempering. Marxist teachers and literature are needed for this, particularly "The Short Course of the History of the VKP(b)". All these are needed as soon as possible to help the Korean Communist Party.

Local governments, the so-called "People's Committees", are a parody of government bodies. The same picture is observed in every People's Committee without exception. All the bureaucrats headed by the Committee chairman sit around a cast-iron stove, smoke, and talk animatedly. The entire workday continues this way with a break for lunch. At a set time, 4 [P.M.], there is not a soul remains in the Committee. We did not encounter one energetic bureaucrat behind a desk engaged in any work in the dozens of People's Committees which we visited in all three provinces. According to our observations this brazen inaction has an underlying political motive. As a rule, bourgeois landowner elements, whom no one has elected, predominate in almost all People's Committees. There are almost no, or very few, genuine representatives of the people in them at all. Being unwilling to take responsibility for everything that is happening today with the Red Army in the country, these Committee members simply serve their time, awaiting different times. It is also possible that this unique ubiquitous sabotage is being led and directed from one particular center, from the capital.

Our Directorate for Civil Administration Affairs, the so-called "group of General-Major Romanenko", is handling its important task with great difficulty, overcoming a large number of all sorts of obstacles. One of the main difficulties is that there are very few officials in this group. In addition, until recently there were no interpreters, and even now there are not enough. Meanwhile this is essentially a question of administering an entire country with a population of 10 million, that is, three times larger than Finland and almost equal to Hungary. The multi-faceted government, political, and economic activity of this group undoubtedly requires a much larger number of officials, including major specialists in all fields of nation-building and the economy. It is sufficient to say, for example, that there is not one specialist in agrarian problems in the group while Korea is a predominantly agrarian country. There are also not many other experts. As a result such extraordinary cases occur, for example. Officials of a group inspecting a province arbitrarily categorize peasants into "kulaks, middle peasants, and poor peasants", that is, mechanically transferring Soviet concepts to the landless tenant masses of the Korean countryside, in the process using the most

ridiculous criteria. Or, [take] another case. The chief of staff of the group prepared a technically ignorant order for commandants to carry out an overall land census, naively thinking that a land census could be carried out through just one administrative order.

In the political arena the work of the group is being duplicated by the work of the army Political Department. For example, both the group and the POARM (the 7th section) deal with all political parties and public organizations at the same time. An unnecessary two centers of authority result, which complicates oversight. In addition, it leads to excessive mistakes. For example, Major Kondratyuk, the censor of the 7th section of POARM, who was uninformed about the situation in the South, passed a report in a local Korean newspaper about the arrival in Seoul of Kim Gu. This would not have happened if all political work, including press and censorship, were entirely directed from one center, either the POARM or the Group. In the last case it would have been well if the 7th section of POARM had been lent the group, since both the group (Colonel Ignat'yev) and the 7th section were engaged in essentially the same work.

As regards the press, the directive of Cde. Bulganin about freedom of the local press is only nominally being implemented. Excessive caution is being permitted on this issue. Nominally all publications are permitted but essentially they cannot publish because of censorship difficulties. A very complex and cumbersome prior censorship of all publications has been introduced while subsequent censorship of some newspapers could be permitted. This would unfetter local publishing initiative more extensively. Fines and other censorial repression would completely prevent undesirable propaganda. Finally, the risk would be small: Korea is not a Soviet country, but a bourgeois democratic one and today it is considerably easier to get a Seoul newspaper in any Northern province than to expect a local one to be published.

The problem with publishing, especially in the provinces, is complicated further by the lack of a Korean printing industry [baza]. The majority of printing shops have been declared our war booty.

The main difficulty in the work of General-Major Romanenko's group is, in our opinion, a lack of full contact with the command of the army. Invested with great authority to govern the country, the group essentially does not have any real rights [prava] and is completely dependent on the commanding general of the army. The latter is not always distinguished by political farsightedness in issues of governing the country. The fundamental resolution of this issue with the object of putting the government of North Korea in order requires the immediate separation of civil administration from command of the army, with the former being immediately subordinate to the Military Council of the [Military] District.

LIEUTENANT COLONEL /signature/ FEDOROV
MAJOR /signature/ LIVSHITS

29 December 1945

One copy printed - to the addressee

63.29.XII.45 vr.